

ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 314.15(571.6)

ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

С.Н. Мищук

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
ул. Шолом-Алейхема 4, г. Биробиджан, 679016,
e-mail: svetamic79@mail.ru

В статье представлен анализ существующих подходов к выявлению факторов, определяющих уровень межэтнического взаимодействия автохтонного населения и мигрантов. Определены основные факторы, влияющие на межэтнические отношения мигрантов и местного населения на Дальнем Востоке России. Учитывая совокупность факторов, определяющих социальное развитие Дальнего Востока России (географический, функциональный, социально-психологический, экономический), автор предлагает рассматривать его как регион отложенного функционального контакта.

Ключевые слова: Дальний Восток, межэтническое взаимодействие, мигранты, факторы, функциональность.

Актуальность

Миграционные процессы играют важную роль в формировании демографического потенциала России. Значительная дифференциация регионов страны по уровню социально-экономического развития оказывает влияние на интенсивность в них миграционных потоков. Освоение Дальнего Востока началось значительно позже, чем других регионов страны, что было обусловлено его удаленностью. Основной причиной привлечения населения из европейской части России было решение геополитических, а не экономических задач. Для Дальнего Востока всегда была характерна высокая подвижность и слабая приживаемость населения, что обусловило специфику формирования отношений между местным сообществом и мигрантами.

В последние десятилетия в регионе сформировались два миграционных потока разной направленности: с устойчивым отрицательным сальдо внутрироссийской миграции и положительным сальдо – в международной. Основными странами прибытия внешних мигрантов являются страны СНГ, в то же время в дальневосточных регионах России используется труд иностранной рабочей силы из Китая.

Методы

В связи с обозначенными тенденциями цель данного исследования – выявить основные факторы, влияющие на уровень межэтнического взаимодействия автохтонного населения и мигрантов на Дальнем Востоке России.

Работа основана на междисциплинарном подходе, включающем социологический, экономико-демографический, социально-коммуникативный контексты.

Результаты исследования

В научной литературе, говоря об отношениях местного населения к мигрантам, авторы используют разные термины: «международные отношения» [2], «межэтническое взаимодействие» [11], «межэтническое восприятие» [12], «взаимоотношения мигрантов и принимающего общества» [13]. Межэтнические отношения могут пониматься как взаимодействие народов в политике, экономике, культуре, а также оцениваться на уровне межгрупповых и межличностных отношений. При этом под самим процессом взаимодействия подразумеваются повседневные процессы, «на основании которых мигранты поддерживают контакты друг с другом и с принимающими обществами» [27].

Исходя из целей исследования, межличностные отношения мигрантов и принимающего сообщества оцениваются нами на межгрупповом или межличностном уровне, который затрагивает взаимодействия отдельных мигрантов или их групп в разных сферах общения (неформальная – соседские, дружеские, социокультурные; формальная – социально-трудовые отношения) с местным населением.

Результат взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом и уровень их интеграции в значительной мере обусловлен особенностями самой территории прибытия мигрантов, а также существующим сходством и различием межличностного восприятия местного населения и мигрантов [12]. Многое зависит от окружения, величины миграционного потока, сплоченности диаспоры, отношения местного населения к тем или иным этносам [1].

По мнению А. Ортона (Orton A.), формы взаимодействия могут иметь положительный или отрицательный эффект. Формы позитивного отношения помогают мигрантам выстраивать сети взаимной поддержки, что создает основу для обоюдного уважения и диалога.

С точки зрения Л.М. Дробижевой, важнейшим условием формирования толерантного поведения среди различных групп населения является государственное и общественное устройство, которое обеспечивает согласие между ними.

Если под условиями понимается обстановка, в которой происходит что-либо (в нашем случае происходит межэтническое взаимодействие), то факторы являются существенными обстоятельствами, способствующими какому-либо процессу или явлению [5].

В настоящее время существует несколько подходов к классификации факторов межэтнического взаимодействия. Методология исследований этнического самосознания и межэтнических отношений, предложенная в конце 1990-х гг. сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, в той или иной мере используется большинством социологов, антропологов. Данная методология основана на идее взаимодействия когнитивно-мотивационной сферы личности и социальной, политической и этнокультурной среды принимающего общества [2]. Указанный принцип лег в основу характеристики межэтнических отношений с точки зрения объективных факторов (макросреда принимающей территории) и субъективных факторов принимающего сообщества, где авторы внутри каждого фактора (исторический,

политический, социально-структурный, ситуативный, культурный, психологический) выделяют категории, позволяющие оценить влияние отдельных направлений обозначенных факторов на отношения этнических групп в определенных временных и пространственных условиях. Сочетание факторов приводит к различным результатам межэтнических отношений: от краткой беседы, не влияющей на этническую идентичность сторон, до долгосрочных контактов, которые могут приводить не только к количественным изменениям в культуре этносов, но и к структурным сдвигам в ней [2].

М.В. Донцова подробно рассматривает влияние различных факторов на развитие межэтнических отношений, в том числе на формирование мигрантофобии, и предлагает комплексную классификацию факторов на основе уровня взаимодействия этнических мигрантов и принимающего сообщества.

Автор выделяет три уровня: институциональный, групповой и личностный. Институциональный уровень включает факторы внешней среды, к которым относятся исторические условия развития принимающего общества, его политическое устройство и экономическое развитие, направленность миграционной политики, особенности доминирующей культуры и культуры мигрантов, этническая мозаичность принимающего сообщества, численность и особенности расселения мигрантов и т.п.

На втором, групповом уровне рассмотрены факторы межгруппового взаимодействия (наличие межэтнических стереотипов, внутригрупповая идентичность, направленность межэтнических установок и др.). Третий уровень формируют личностные факторы, которые во многом переключаются с межгрупповыми, но характеризуют отдельного представителя принимающего сообщества или мигранта.

Кроме анализа факторов формирования межэтнических отношений, М.В. Донцова анализирует причины мигрантофобии, выражающейся в «нарушении позитивного взаимодействия между местными и мигрантами, возникновении и дальнейшем увеличении социальной (психологической) дистанции между местными и мигрантами» [8].

В.В. Кашпур выделяет факторы микро- и макросоциального уровня, влияющие на характер межэтнических отношений. В первом случае факторы касаются личности индивида или этнической группы, во втором – характеристик при-

нимающего сообщества. К микросоциальным факторам относятся индивидуально-личностные характеристики адаптантов, а также характеристики взаимодействующих культурных фреймов этногрупп. В рамках макросоциальных факторов рассматриваются политическая и социально-экономическая ситуация в принимающем сообществе и мире, характер иммиграционной и этнонациональной политики властей, правовой статус мигрантов, наличие и масштабы деятельности общественных организаций и объединений земляков, уровень коррупции и преступности и др. [14].

К.С. Мокин в качестве доминирующего фактора, определяющего степень начальной включенности мигранта в принимающее сообщество, выделяет биографию мигранта. В результате процесс адаптации рассматривается как «(ре)конструирование собственной идентичности через призму причин и характера переселений, путей миграции, выбора данного места поселения и др.» [19, с. 95].

Значительное влияние на формирование отношений между мигрантами и принимающим сообществом оказывает этническая и государственно-гражданская идентичность местного населения [9]. Структура идентичности принимающего сообщества осложняет процесс его взаимодействия с мигрантами, так как местное население обладает рядом особых характеристик, определяющих его ориентиры и приоритеты в отношении возможностей взаимодействия с мигрантами [15]. При негативной идентичности (другие группы представлены в образе враждебного окружения) мигранты воспринимаются как иноэтнические, как национальное меньшинство.

Несмотря на обширный перечень факторов, влияющих на состояние межэтнических отношений в принимающем сообществе, крайне важно в первую очередь оценить состояние принимающего населения, его идентичность, что оказывает непосредственное влияние на взаимодействие мигрантов и местного населения [9]. На взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества часто влияет не реальное положение людей, а непосредственно представления людей о равенстве или неравенстве возможностей местного или бывшего населения [10].

Н.С. Зимина выделяет социально-психологические и культурные особенности восприятия группами друг друга, отмечая гражданскую принадлежность мигрантов, их этнические особенности, наличие культурной, языковой и исторической близости с местным сообществом [12].

Данного подхода придерживаются многие авторы. А.Ю. Питерова и Е.А. Тетерина выделяют совокупность социальных и культурных факторов, обеспечивающих не только процесс взаимодействия, но и ассимиляции мигрантов [22]. Д.П. Каранов рассматривает культурные факторы как первостепенные при развитии отношений мигрантов с принимающим обществом. При этом автор подчеркивает, что успех этих отношений во многом зависит от самого мигранта [13]. Знание мигрантами языка принимающей стороны играет положительную роль в процессе интеграции мигрантов [26].

Т.А. Титова и Р.Р. Кушаев в результате исследований, проведенных в полиэтничном сообществе (республика Татарстан), делают вывод, что в качестве деструктивного фактора межэтнических отношений выступает экономический фактор. Авторы подчеркивают, что существует прямая зависимость между уровнем этнической толерантности со стороны этнического большинства принимающего сообщества и уровнем их благосостояния. Данный вывод в целом соответствует более узкой интерпретации ситуативного подхода, выделенного Ю.В. Арутюняном, Л.М. Дробижевой, А.А. Сусоколовым в качестве одного из факторов межэтнических отношений [2]. Влияние экономического фактора (выражающегося в борьбе за экономические и политические ресурсы) подтверждается исследованиями в Астраханской области [3], а также в Республике Татарстан [23].

В ряде исследований авторы отмечали, что различие в материальном положении не меняет межэтнические установки людей, в то время как депривация может привести к конфликтам: одни видят причины возникающих сложностей в мигрантах, у других – в результате возникающей конкуренции формируется негативное отношение [10].

В рамках изучения мигрантофобии как одной из негативных форм межэтнического взаимодействия В.Н. Петров рассматривает совокупность социальных факторов, а именно факторы социальной среды, ментальности, исторический, демографический, расселения мигрантов, региональной миграционной политики, степени криминализации принимающего сообщества и др. [25].

На примере анализа формирования механизма российской мигрантофобии к китайцам А.Г. Ларин выделяет ряд обстоятельств, обуславливающих реализацию потенциальной враждебности к «иным». Сильным стимулом для проявления враждебности является проникновение «чужих» в то пространство, которое местное со-

общество считало своим. Существенное значение имеет объем миграционного присутствия: чем больше прибывает мигрантов, тем выше становится уровень недоброжелательности по отношению к ним. В то же время степень враждебности к мигрантам снижается, если они своей деятельностью приносят принимающему сообществу ощутимую пользу. Однако чаще всего негативное восприятие мигрантов акцентирует внимание на приносимом мигрантами ущербе, а не на позитивных следствиях [16].

Сам факт постоянного присутствия и деятельности мигрантов в «пространстве» принимающего сообщества является потенциальным источником напряженности и трений между ними, которые могут принимать форму ксенофобии [16]. Кроме того, информационное воздействие на представления о миграции и мигрантах оказывает существенное влияние на формирование соответствующего состояния межэтнических отношений [15].

Таким образом, можно выделить ряд факторов, обуславливающих характер межэтнического взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества. В целом все факторы можно рассматривать на уровне оценки среды, принимающей территории, а также на уровне межличностных и межгрупповых отношений. К первой группе факторов относятся исторический, политический, экономический. Вторая группа факторов включает социально-психологические, культурные и этнокультурные, ситуативные.

На наш взгляд, в перечень обозначенных факторов необходимо включить функциональный фактор и фактор географического положения (или историко-географический), характеризующие принимающее сообщество.

Ранее особенности географического положения не рассматривались авторами в качестве отдельного фактора, влияющего на межэтнические отношения. Для социологов положение региона, в смысле его экономико-географического и геополитического положения, учитывалось в большей мере в рамках динамики исторических событий, которые могли быть обусловлены географией территории [2], либо в качестве типа или статуса населенного пункта. Более высокий уровень толерантности характерен для молодых городов, которые формировались как общесоюзные стройки, в результате чего им присущ полиэтничный состав населения. В городах со стабильным этнокультурным ландшафтом интенсивные миграционные потоки могут приводить к осложнению межэт-

нических отношений. Высокий статус населенного пункта выступает гарантом низкой остроты межэтнических проблем. Чем меньше населенный пункт, тем менее разнообразна социальная сфера и сложнее адаптация мигрантов [15].

Исторический фактор лишь отражает происходящие изменения в принимающем сообществе во времени, однако именно географический (историко-географический, геополитический) фактор указывает на причины происходящих процессов в прошлом и в настоящее время.

Мы придерживаемся мнения Л.М. Дробиневой, что характер межэтнических отношений при наличии общих тенденций имеет существенные региональные различия. Обозначенные факторы, их скорость и уровень значимости будут иметь свою специфику.

Для Дальнего Востока России географический фактор играет основополагающую роль в формировании миграционных процессов и взаимодействия этнических мигрантов и принимающего общества. В отличие от староосвоенных регионов, к которым относятся регионы Центральной России, дальневосточные регионы не обладают обширным накопленным экономическим, демографическим, инфраструктурным потенциалом, инерционный эффект которых можно было бы использовать. Для новых, или слабоосвоенных территорий (территорий запоздалого развития) значительную роль в формировании их постоянного населения и межэтнического взаимодействия с прибывающими мигрантами оказывает геополитический фактор [4]. Основной причиной привлечения населения из европейской части России на Дальний Восток был внеэкономический фактор, при этом формирование трудового потенциала как основы развития хозяйственного комплекса региона происходило в рамках решения общественно-политической задачи [17].

Удаленность Дальнего Востока от исторического центра страны и исторических стран-контрагентов (в первую очередь стран Западной и Восточной Европы, Центральной Азии) обусловила отложенный характер освоения региона и начала миграционных процессов. Именно в связи с удаленностью региона для Дальнего Востока характерны наименее интенсивные миграционные процессы с центральными регионами России. Непосредственно процесс освоения Дальнего Востока России начался с середины 19 века. Переселенческое движение на юге Дальнего Востока определялось внутренними потребностями страны (функциональный фактор [7]) и внешнеполи-

тическими причинами (геополитический фактор). Функциональный фактор определил миграцию земледельцев (земледельческая колонизация), рабочих-отходников (неземледельческая колонизация) [24]. Внешнеполитический фактор повлиял на переселение казаков, в советский период – на высокую долю военнослужащих в миграционных потоках. Обозначенные особенности развития региона позволяют нам рассматривать его как *регион отложенного функционального контакта* (*курсив мой – С.Н.*).

Современные процессы подтверждают целесообразность предложенной формулировки. Проекты развития Дальнего Востока, в том числе организация ТОРОВ, предоставление 1 га земли, направленные на привлечение инвесторов в регион, а также решение социально-демографических проблем, в первую очередь за счет притока мигрантов, вновь подчеркивают роль фактора функциональности в развитии миграционных процессов.

Регионы Дальнего Востока различаются по

доле населения, постоянно проживающего на их территории, что обусловлено в целом крайней разнородностью природно-климатических условий и социально-экономического развития территорий, в том числе в сравнении с центральными регионами страны.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в среднем по России доля населения, непрерывно проживающего в регионе с рождения, превышает средний показатель по Дальнему Востоку (табл.). Если в среднем по России более 50% населения в возрасте до 29 лет проживает в регионе рождения, то среди дальневосточных субъектов этот возраст составляет до 24 лет. Доля молодежи в возрасте до 29 лет во всех регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО), кроме Хабаровского края, не достигает 50%. В последующих когортах доля непрерывно проживающего населения постоянно снижается. В региональном разрезе наименьшая доля постоянно проживающего населения отмечается на севере – в Чукотском АО и Магаданской области, а

Таблица
Доля населения, непрерывно проживающего в субъекте Дальневосточного федерального округа с рождения, %

Table

Share of the population permanently living in the subject of the Far Eastern Federal District since their birth, %

Возраст населения, лет	Российская Федерация	Дальневосточный федеральный округ	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Еврейская автономная область	Магаданская область	Сахалинская область	Чукотский автономный округ	Камчатский край	Республика Саха (Якутия)
В среднем по субъекту	46,2	42,2	43,4	46	38,7	37	36,3	41,5	31,3	41,7	41,1
до 15	86,7	85,6	86,5	87,1	85,6	81,4	86,0	85,7	78,0	84,4	84,0
15–19	66,0	63,7	66,3	64,4	59,2	59,9	64,7	66,8	50,7	70,2	61,1
20–24	57,0	51,8	55,9	56,8	44,8	45,2	54,8	54,3	29,9	59,0	42,5
25–29	51,3	45,3	49,5	52,3	39,0	39,0	44,4	45,0	20,5	48,6	35,2
30–39	44,6	38,8	42,5	46,6	32,7	32,7	32,4	39,7	17,1	40,3	28,1
40–49	33,4	27,1	30,7	34,8	21,0	20,5	18,0	27,7	12,3	25,1	19,1
50–59	27,8	21,9	23,9	27,3	18,5	16,1	12,6	25,6	7,9	18,5	16,2
60–69	25,8	19,4	21,7	23,6	18,0	13,0	6,4	14,9	8,3	14,8	15,6
70 и более	25,2	13,6	15,0	13,0	16,3	7,5	2,2	3,6	14,2	7,3	19,3

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

также на юге – Амурской и Еврейской автономной областях. Основные факторы миграционной подвижности населения – природно-климатический (характерен для северных территорий) и социально-экономический.

Высокая подвижность населения на Дальнем Востоке, включая внутрирегиональное перемещение населения и мигрантов из других регионов страны, сформировала особую ментальность населения, выражающуюся в более сдержанном отношении к мигрантам. Большая часть населения Дальнего Востока проживает в городах, что снижает вероятность возникновения конфликтных ситуаций из-за больших социальных и экономических возможностей включения мигрантов в новое сообщество. Относительно небольшая численность мигрантов также способствует более толерантному отношению дальневосточников к мигрантам, нежели жителей центральных регионов России.

Со стороны дальневосточного социума в целом преобладает нейтральное отношение к мигрантам. Существующие негативные оценки связаны с нарушением законодательства в экономической и экологической сферах. Степень недовольства в ДФО ниже, чем в центральных регионах России, что обусловлено меньшим числом мигрантов на территории дальневосточных субъектов. В значительной степени уровень враждебности по отношению к мигрантам зависит не только от их численности, но и функциональности: если мигранты занимают невостребованные ниши и создают положительный эффект для развития региона, то принимающее сообщество воспринимает их терпимо.

По данным рейтинга межэтнической напряженности в регионах России в 2013–2014 гг., пять из девяти дальневосточных субъектов (Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Магаданская и Амурская области, Республика Саха (Якутия)) характеризуются очень низким уровнем межэтнической напряженности, Приморский и Камчатский края – низким уровнем, Хабаровский край – средним уровнем. В Хабаровском крае большинство конфликтных ситуаций сосредоточено в краевом центре. Все конфликтные ситуации можно рассматривать в рамках двух групп: онлайн-экстремизм, связанный с размещением в социальных сетях материалов, признанных судом экстремистскими, а также межнациональные драки (в основном с участием азербайджанцев). По мнению авторов исследования, прогноз межэтнической напряженности в крае негативный из-за

нестабильной демографической и экономической ситуации (сайт Федеральной экспертной сети «Клуба регионов»).

В рамках масштабного опроса, проведенного в октябре 2011 г. Фондом «Общественное мнение», представлены результаты по ряду вопросов в отношении местного населения к мигрантам. Опрос проводился в 1364 населенных пунктах 49 субъектов РФ. Всего опрошено 24 500 респондентов, в каждом субъекте РФ по 500 респондентов. Среди дальневосточных регионов были выбраны Амурская область, Хабаровский и Приморский края.

На основе результатов опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение» в 2012 г., мы рассмотрели отношение респондентов субъектов ДФО и в целом по стране по трем группам вопросов: отношение местных жителей к культурным различиям с мигрантами; о месте и роли мигрантов на российском рынке труда; мнение местных жителей о правах мигрантов и готовности «принимать их в своих городах».

Первый и третий вопросы соответствуют оценке роли фактора социально-психологического и культурного взаимодействия населения дальневосточных регионов с мигрантами. Второй вопрос затрагивает экономический фактор присутствия мигрантов на Дальнем Востоке.

В результате сопоставления ответов респондентов, проживающих на Дальнем Востоке, и среднероссийских данных нами были сделаны следующие выводы:

Если в вопросах культурного взаимодействия и влияния мигрантов на рынок труда принимающих регионов ситуация в дальневосточных регионах сопоставима с общероссийской ситуацией, то в рамках вопросов о взаимодействии и интеграции ответы не всегда совпадали. Жители Амурской области и Хабаровского края более толерантно относятся к возможности постоянного проживания в их населенном пункте детей и внуков мигрантов (Амурская область – 61% числа опрошенных положительно отреагировали на такую возможность, в Хабаровском крае – 52%, при среднероссийском показателе 45%). Доля отрицательных ответов на данный вопрос по России (41%) выше, чем на Дальнем Востоке. Минимальная доля отрицательных ответов зафиксирована в Амурской области (28%) (рис. 1).

В целом по России доля респондентов, согласных с точкой зрения, что в образе жизни мигрантов есть особенности, с которыми местным жителям трудно мириться, превышает дальнево-

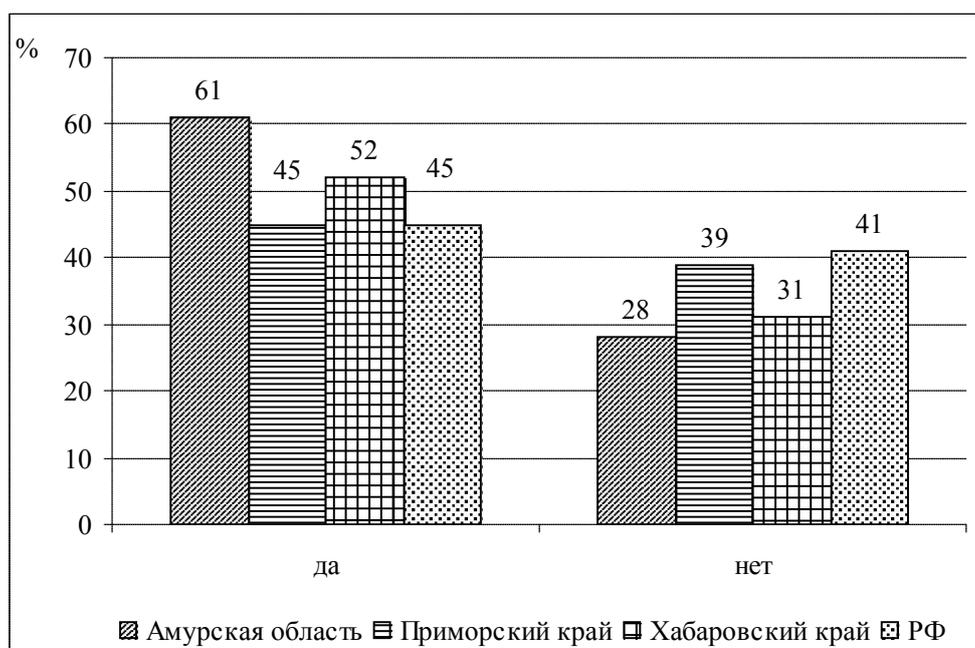

Рис. 1. Отношение респондентов к суждению «Я не против, чтобы дети и внуки мигрантов стали постоянными жителями моего города (посёлка, села)?» 2011 г., %

Fig. 1. Attitude of the respondents to the following statement: «I do not mind if immigrants' children and grandchildren become permanent residents of my town (settlement, village)» 2011, %

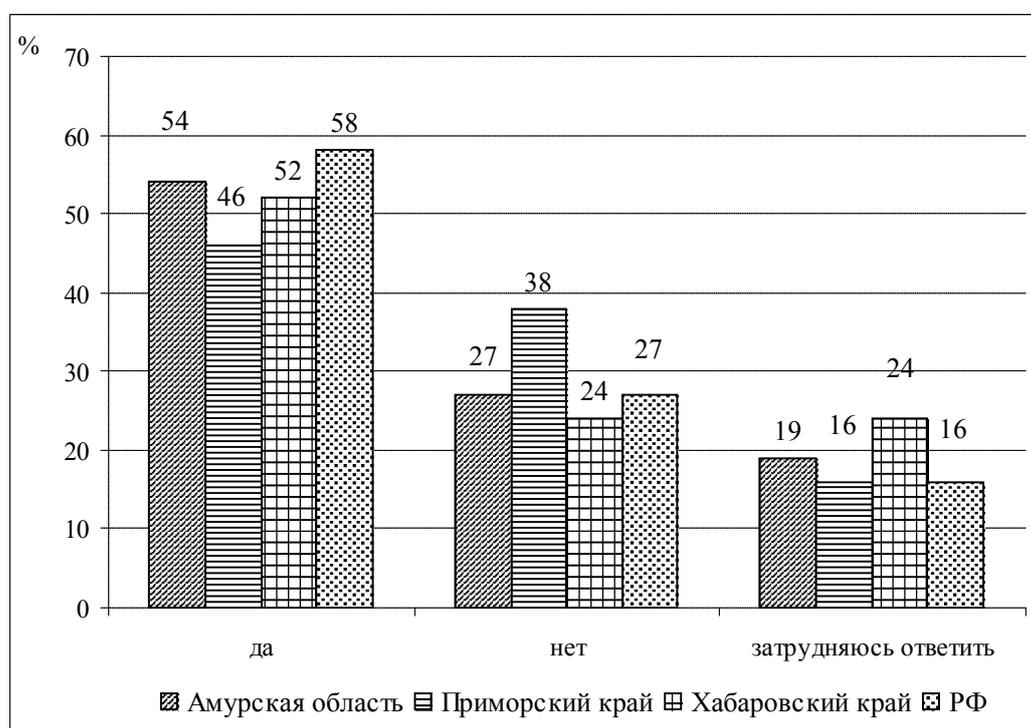

Рис. 2. Отношение респондентов к суждению «В образе жизни мигрантов есть особенности, с которыми жителям моего города (посёлка, села) трудно примириться?» 2011 г., %

Fig. 2. Attitude of the respondents to the statement: «The residents of my town (settlement, village) can hardly reconcile themselves to some features of the migrants' life style» 2011, %

сточные показатели. Среди субъектов Дальнего Востока в Амурской области более половины респондентов (54%) согласились с данным утверждением, в Приморском крае доля соответствующих ответов составила лишь 46% (рис. 2).

Несмотря на достаточно миролюбивый настрой в отношении мигрантов в целом, при постановке вопроса о возможности проживания рядом с семьями мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, Средней Азии или Закавказья доля отрицательных ответов возросла. Доля несогласных проживать рядом с мигрантами в Амурской области и Приморском крае составила от 50 до 59% (в зависимости от типа стран исхода мигрантов), в Хабаровском крае – 45-53%, при среднем показателе по России 53–58%.

Обращает на себя внимание тот факт, что наибольшее число отрицательных ответов касалось мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, минимальное – из стран Закавказья (рис. 3). Данный результат позволяет сделать вывод о том, что респонденты рассматривают мигрантов из стран Юго-Восточной Азии (в первую очередь Китая) как потенциальную угрозу российским территориям.

На основании результатов длительного (15 лет) изучения отношения дальневосточников

к нахождению иностранцев на Дальнем Востоке России В.Л. Ларин и Л.Л. Ларина отмечают ряд факторов, влияющих на восприятие мигрантов: характер и длительность пребывания, восприятие респондентами страны исхода, эмоциональный настрой.

В рамках исследования социально-психологического фактора межнационального взаимодействия летом 2012 г. был проведен опрос жителей и экспертов Приморского края и г. Хабаровска на предмет их отношения к разным категориям мигрантов [6]. Незначительная доля отрицательных ответов (3%) высказана респондентами в отношении временных мигрантов (студентов, рабочих, туристов, предпринимателей). Обращает внимание рост доли положительных ответов респондентов о пребывании на территории России предпринимателей из других стран: в 2003 г. доля положительных ответов составила 42%, в 2012 г. – 65%.

Однако более половины опрошенных (51%) отрицательно высказывались о возможности постоянного присутствия мигрантов.

В разрезе стран наибольшие опасения вызывает вероятность постоянного проживания мигрантов из КНР, республик Средней Азии и республик Кавказа (рис. 4).

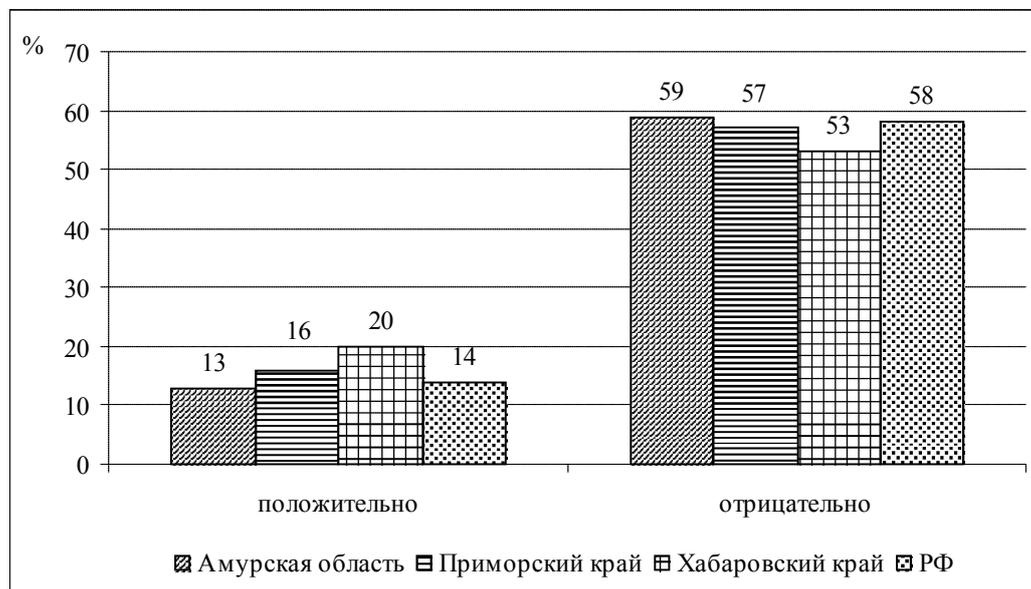

Рис. 3. Ответ на вопрос «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы рядом с вами поселилась самая обычная семья мигрантов из Юго-Восточной Азии?», 2011 г., %

Fig. 3. The answer to the question «What would you feel if an ordinary migrant family from Southeast Asia became your neighbors?» 2011, %

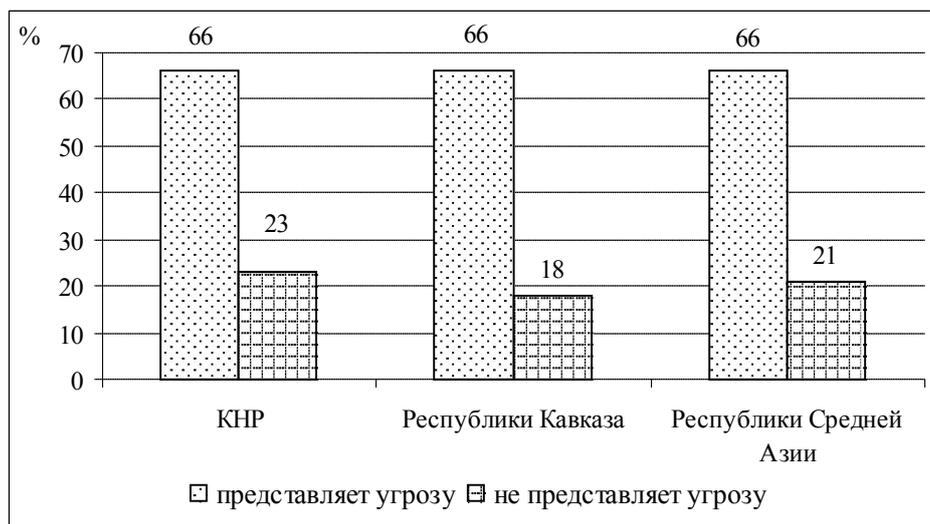

Рис. 4. Ответы на вопрос, составляет ли угрозу для безопасности России увеличение числа граждан иностранных государств на Дальнем Востоке, % (2012 г.)

Fig. 4. Answers to the question of whether the foreign citizens growing number in the Russian Far East represent a threat to the security of Russia % (2012)

По результатам экспертного опроса, проведенного сотрудниками Института экономических исследований ДВО РАН в 2012 г., взаимоотношения местного населения с мигрантами разных национальностей характеризуются в целом как нейтральные. Однако около 25% респондентов отметили негативное отношение к китайцам [20].

В Амурской области результаты социологического исследования (общий массив опрошенных после выбраковки составил 7444 чел.) по теме «Оценка населением эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Амурской области», проведенного в первом квартале 2014 г. министерством внутренней и информационной политики Амурской области, отражают удовлетворенность населения состоянием межнациональных отношений (74%), не испытывают неприязнь к мигрантам, проживающим на территории муниципального образования, 79% респондентов [21].

Заключение

В результате анализа существующих классификаций факторов межэтнического взаимодействия считаем целесообразным рассматривать их на уровне оценки среды, принимающей территории, а также на уровне межличностных и межгрупповых отношений. К первой группе факторов относятся исторический, геополитический, экономический. Вторая группа факторов включает социально-психологические, культур-

ные и этнокультурные, ситуативные. Кроме того, предлагаем рассматривать роль функционального и историко-географического факторов, характеризующих принимающее сообщество и характер его взаимодействия с мигрантами.

В настоящее время в большинстве регионов Дальнего Востока уровень межэтнической напряженности оценивается как низкий (или очень низкий), что обусловлено совокупностью факторов, имеющих свою региональную специфику. Со стороны дальневосточного социума в целом преобладает нейтральное отношение к мигрантам. Существующие негативные оценки связаны с нарушением законодательства в экономической и экологической сферах. Невысокая степень недовольства на Дальнем Востоке обусловлена небольшим числом мигрантов на территории дальневосточных субъектов [18].

На формирование межэтнических отношений населения Дальнего Востока с мигрантами оказывают влияние географический и функциональный, социально-психологический (включающий культурный, ситуативный) факторы. Экономический фактор играл существенную роль в конце 2000-х гг., в начале активизации миграционных процессов с Китаем, однако в настоящее время он не является определяющим. Усиление миграционного потока из стран СНГ в последние два десятилетия, расширение числа контактов данной категории мигрантов с местным населением

формирует новые отношения, характер которых будет определяться как институциональными, так и межгрупповыми (межличностными) факторами, затрагивающими вопросы социально-психологического и культурного взаимодействия.

Учитывая совокупность факторов, определяющих социальное развитие Дальнего Востока России, считаем целесообразным рассматривать его как регион отложенного функционального контакта. Отложенный характер взаимодействия местного населения и мигрантов обусловлен более поздним освоением Дальнего Востока в целом и более поздним формированием здесь новых устойчивых миграционных потоков из стран СНГ и Китая. Геополитический фактор во многом определил функциональность миграции из союзных республик и регионов страны на Дальний Восток вплоть до начала 1990-х гг.

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ №16-02-50048а(ф) «Оценка факторов формирования и реализации социально-экономического потенциала внешних мигрантов в стратегическом развитии восточных регионов России».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акмалова А.А., Капицын В.М. Современная этническая миграция и миграционная политика (идентификационный аспект) URL: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/c59/3c5/2059309/Akmalova_A.A._Kapitsyn_V.M._Sovremennaya_etnicheskaya_migratsiya_i_migratsionnaya_politika_identifikatsionnyj_aspekt.pdf (дата обращения: 20.01.2016).
2. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология: учеб. пособие. для вузов. М., 1998. 271 с.
3. Динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Астраханской области и Прикаспийском регионе (апрель – сентябрь 2011 года): отчет по рез. исслед-я / Астр. отд-е межд. ин-та гум.-полит. исслед. Астрахань, 2011. 58 с.
4. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд.: СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Uslovie-75585.html> (дата обращения: 18.01.2016).
6. Внешнее влияние и иностранное присутствие в Тихоокеанской России в восприятии ее жителей (по итогам опроса общественного мнения) // Россия и АТР. 2012. № 4 (78). С. 16–28.
7. Войнов Д.А. Факторы эволюции территориальных структур хозяйства и населения Дальнего Востока: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2007. 22 с.
8. Донцова М.В. Этнические мигранты и принимающее общество: процессы социального взаимодействия (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2007. 28 с.
9. Дробижева Л.М. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top (дата обращения: 25 июня 2013).
10. Дробижева Л.М. Этничность в социальнополитическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
11. Жукова Н.В. Межэтническое взаимодействие и его механизмы // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 11 (617). С. 85–95.
12. Зимина Н.С. Восприятие мигрантов принимающим сообществом: социально-антропологический аспект // Региональные проблемы. 2015. Т. 18, № 3. С. 88–94.
13. Каранов Д.П. Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Политика. 2013. № 1 (68). С. 24–35.
14. Кашпур В.В., Поправко И.Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии: томский кейс // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354 (январь). С. 88–93.
15. Коморникова О.М. Характеристики принимающего сообщества как фактор формирования отношения к мигрантам // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 42 (180). Философия. Социология. Культурология. Вып. 15. С. 77–81.
16. Ларин А.Г. Китайская миграция и российское общественное сознание // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения (материалы Всероссийской научно-практической конференция, МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва, 21–22 декабря 2006 г.) / под ред. А.В. Лукина; Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 107–113.
17. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток /

- отв. ред. В.В. Кулешов. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
18. Мищук С.Н. Мигранты и принимающее общество: региональный аспект (на примере Дальнего Востока России). Биробиджан: Изд-во ИКАРП ДВО РАН, 2014. 218 с.
 19. Мокин К.С. Балаково: миграционные истории армян // Социс: электрон. журнал. 2007. № 2. С. 94–101.
 20. Мотрич Е.Л. Мигранты на российском Дальнем Востоке и оценка их взаимоотношений с местным населением // ДВОПП: Дальневосточное отделение промышленников и предпринимателей. 2013. URL: <http://www.dvop.ru/index.php/incomingmail/829-2013-02-20-05-43-48> (дата обращения: 20.12.2013).
 21. Отчет по результатам социологического исследования уровня удовлетворенности населения состоянием межнациональных отношений на территории Амурской области. 2014. 4 с.
 22. Питерова А.Ю., Тетерина Е.А. Особенности межкультурной коммуникации // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 75–79.
 23. Титова Т.А., Кушаев Р.Р. Деструктивные факторы социального взаимодействия в многонациональном регионе // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, Кн. 3, Ч. 2. С. 203–211.
 24. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего и будущего / колл. авторов; отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
 25. Этнические мигранты в принимающем обществе. Ч. 1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии / под ред. В.Н. Петрова. Краснодар: Изд-во «Промсвещение-Юг», 2005. 205 с.
 26. Fonseca M., McGarrigle J. Policy recommendations: Promoting interethnic coexistence, social cohesion and reducing anti-immigrant attitudes. Centro de Estudos Geográficos. 2012. 21 p. URL: <http://geitonies.igot.ulisboa.pt/Publication/Promoting%20interethnic%20coexistence,%20social%20cohesion%20and%20reducing%20anti-immigrant%20attitudes.pdf>
 27. Orton A. Building Migrants' Belonging Through Positive Interactions a Guide for Policy-Makers and Practitioners. Connecting Recognition, Participation and Empowerment To Improve Social Cohesion. Council of Europe Policy Document. 2012. 47 p.

The article presents an analysis of existing approaches to studying of the factors that determine the level of interethnic interaction between the local population and migrants. The author has defined the main factors of the local population and migrants' interaction in the Russian Far East. Taking into account a combination of the factors that determine a social development of the Russian Far East (geographical, functional, social, psychological, economic), the author proposes that the territory should be considered as the region of deferred functional contact.

Keywords: *the Far East of Russia, interethnic interaction, migrants, factors, functionality.*